

Для цитирования:

Модестов С. А. О возможности реализации юридической ответственности преступного государства // *European and Asian Law Review*. 2024. № 2. Т. 7. С. 41–52. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_2_41.

Information for citation:

Modestov, S. A. (2024) O vozmozhnosti realizatsii yuridicheskoi otvetstvennosti prestupnogo gosudarstva [On the Enforceability of Legal Responsibility of a Criminal State]. *European and Asian Law Review*. 7 (2), 41–52. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_2_41.

УДК 342

BISAC 018000

DOI: 10.34076/27821668_2024_7_2_41

Научная статья

О ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПНОГО ГОСУДАРСТВА

С. А. Модестов*Академия военных наук*

ORCID ID: 0009-0002-9287-2625

Рассматривается феномен реализации юридической ответственности государства, вышедшего за рамки общепринятых публично-правовых отношений. Возникающая при этом ситуация требует восстановления прав общества и личности в стране, где власть узурпирована преступным режимом, а также поправленного преступным государством международного права. Анализируются правовые последствия, наступающие для государства-делинквента в случае пренебрежения им нормами международного и национального права.

Ключевые слова: юридическая ответственность, международно-правовая ответственность, уголовно-правовая ответственность, конституционно-правовая ответственность, обычно-правовая ответственность, преступное государство, государство-делинквент, экстерриториальная юрисдикция, принуждение к миру, постконфликтное урегулирование

ON THE ENFORCEABILITY OF LEGAL RESPONSIBILITY OF A CRIMINAL STATE

Sergei A. Modestov

Academy of Military Science

ORCID ID: 0009-0002-9287-2625

The phenomenon of realization of legal responsibility of the state, which has gone beyond the framework of generally accepted public-law relations, is considered. The situation arising in this case requires the restoration of the rights of society and the individual in a country where power is usurped by a criminal regime, as well as international law violated by a criminal state. The legal consequences for the delinquent State in case of its disregard for the norms of international and national law are analyzed.

Keywords: *legal responsibility, international legal responsibility, criminal legal responsibility, constitutional legal responsibility, customary legal responsibility, criminal state, delinquent state, extraterritorial jurisdiction, peace enforcement, post-conflict resolution*

Длительный процесс достижения поставленных перед началом специальной военной операции целей демилитаризации и денацификации Украины не влияет на уверенность в ее успешном завершении. Именно поэтому среди ученых и практических политиков уже разворачивается дискуссия о печальной исторической судьбе несостоявшейся украинской государственности. События современной ее истории ставят вопрос о преодолении драматических последствий этого неудавшегося эксперимента, затронувшего интересы как населения, проживающего на территории, на которую распространялась его юрисдикция, так и интересы соседних государств и народов.

Государство как субъект права

Государство как субъект права выступает гарантом, обеспечивающим, по определению И. Канта, «совокупность условий, при которых произвол одного «лица» совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [Кант, 1965]. Если это ему удастся, мы имеем дело с правовым государством, в котором удалось достичь гармонии публично-правовых отношений. Различные степени соответствия статусу правового государства образуют целый континуум состояний от вполне правового до полностью неправового (противоправного) государства, даже если в нем сложилась собственная правовая система, которая, однако, противоречит общепринятым нормам и принципам.

Правовое государство равно успешно проявляет себя в разных ипостасях: и как законодатель, и как правоприменитель. Оно также может выступать как *потерпевшая сторона*, пострадавшая от отступления других субъектов от установленных публично-правовых отношений. Государство может оказаться и в ином статусе – *делинквэнта*, т. е. субъекта, несущего ответственность за отступление от установленных прежде публично-правовых отношений или устанавливающего свою собственную систему права, попирающую нормы международного и обычного права.

Появляется источник, питающий новые общественно опасные деяния, возникает особое правоотношение, требующее восстановления нарушенного права и наказания того, кто это допустил и несет за это юридическую ответственность. Такая

ответственность может быть разного рода, тем более если в качестве делинквента выступает государство, которое должно было бы обеспечить сбалансированное совмещение произвола одного субъекта с произволом другого (не исключая и себя самого как субъекта публично-правовых отношений).

Природа юридической ответственности сама по себе давно стала предметом исследования в праве. Достаточно сослаться на работы И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшина [Самощенко, Фарукшин, 1971], диссертацию Д. А. Липинского [Липинский, 2004] и его монографии в соавторстве с А. А. Мусаткиной [Липинский, Мусаткина, 2013], Р. Л. Хачатуровым и А. Г. Шишкиным [Липинский, Хачатуров, Шишкин, 2014], недавнюю статью И. А. Кузьмина [Кузьмин, 2020]. Однако в случае с противоправным поведением государства общетеоретическая модель реализации юридической ответственности нуждается в дополнительных осмыслении и развитии.

Теоретически трудно представить себе возможность существования отдельно от государства властного органа – независимого арбитра, на решение которого можно было бы вынести вопрос о юридической ответственности государства. Тем более не стоит ожидать, что оно осудит само себя: *neto judex in propria causa* («Никто не судья в собственном деле»).

Подчеркнуто независимые органы, обладающие в государстве несомненными властными полномочиями, бывают (у нас демонстративно дистанцирован от органов государственной власти Центробанк, аналогичная ситуация и с ФРС, центробанками ряда других стран). Особое место в системе государственной власти занимает Конституционный Суд. Контрольными полномочиями наделены Счетная палата, Уполномоченный по правам человека. Как равноправные субъекты соотносятся между собой государство и адвокатура. В то же время говорить о полной автономности существования института адвокатуры в государстве было бы неправильно. Все это – часть государственного аппарата, особым образом позиционированная в системе властных отношений.

Виды юридической ответственности государства

Безусловно, наиболее понятной и уместной для государства как субъекта права, вступившего в противоречие с ним в ущерб интересам иных субъектов публично-правовых отношений, является *международно-правовая ответственность*, когда арбитром оказывается независимая инстанция вне государственной юрисдикции. Это может быть мировое сообщество или отдельное государство, принявшее на себя бремя доказательства противоправных действий государства-делинквента и его пресечения. Речь идет о государстве, чья безопасность оказалась под угрозой из-за действий преступного государства.

Остается предметом дискуссии правоведов возможность распространения на государство в лице его органов, должностных лиц (как и всей их совокупности) *уголовно-правовой ответственности*. Тем не менее участие государства как субъекта в уголовно-правовых отношениях предопределено самим публичным характером данных правоотношений и обеспечивается через государственные органы и их должностных лиц. Специфика государства как субъекта уголовно-правовых отношений обусловлена многообразием предоставленных прав и возложенных обязанностей, различаемых в зависимости от выполняемой государством роли в этих отношениях [Ларина, 2017].

Идею установления уголовной ответственности юридических лиц разделяют многие российские правоведы (А. С. Никифоров, В. С. Устинов, А. В. Наумов, С. И. Никулин, С. Г. Келина, Т. А. Костарева, Е. Ю. Антонова и др.).

Как считает М. В. Баранчикова, независимо от того, обязательный или рекомендательный характер носят положения международных документов по установлению в национальном законодательстве уголовной ответственности юридических лиц, важным является реализации такой возможности в рамках действующего российского уголовного закона [Баранчикова, 2014].

Для юридических лиц наиболее ожидаемым видом наказания будет прекращение их деятельности, запрет с конфискацией имущества, если таковое имелось в собственности юридического лица (организации) или, как минимум, наложение штрафов. При этом руководители таких организаций могут также привлекаться к ответственности как физические лица.

А. С. Никифоров отмечает, что за все преступления, спланированные, совершенные или сокрытые участниками (членами) преступной организации, последняя привлекается к уголовной ответственности непосредственно. Вместе с тем это не исключает уголовной ответственности участников преступной организации за преступления, которые лично совершены по плану организации, а подразумевает эту ответственность [Никифоров, 2002].

Помимо уголовно-правовой ответственности, следует упомянуть экзотическую, но теоретически возможную ответственность государства по нормам *обычного права*, хотя механизмы его реализации находятся, как правило, в области морально-нравственного и несистематизированного обычного сознания, т. е. вне собственно правового поля. Но если ситуация действительно назрела, полагает А. Т. Тумурова, обычно-правовое регулирование позволяет вмешиваться в общественные отношения, создавая там новые модели, с целью реформирования [Тумурова, 2017]. *A communi observantia non est recedendum* («Нельзя пренебрегать тем, что принято всеми»).

Гражданское общество, народ как субъект публично-правовых отношений может выступить в роли непосредственного арбитра – вполне организованно, легитимно, воспользовавшись отведенным ему конституцией статусом источника власти. В этом случае используется механизм реализации *конституционно-правовой ответственности*.

В условиях реального конституционализма, – пишет Г. С. Патюлин, – субъекты права должны обладать возможностью принуждения должностных лиц к точному исполнению правовых норм. Следовательно, содержанием юридической ответственности государства должно стать правоотношение между государством, с одной стороны, и лицом, права которого нарушены, – с другой [Патюлин, 2021]. Данной позиции придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации, признающий принцип взаимной правовой и юридической ответственности государства и личности и паритетных начал в их взаимоотношениях. «Гражданин и государство Российской Федерации связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями».

Отметим сам повод, побудивший нас обратиться к проблеме юридической ответственности государства и механизмов ее реализации. Это очевидные факты существования преступных государств, систематически совершающих противоправные действия как против собственного населения, так и против других государств и международного сообщества в целом.

Признаки преступного государства

Сначала о природе и генезисе преступного государства (будем именовать его также «несостоявшимся государством», поскольку, как видно на примере Украины, оно фактически лишено и собственной политической субъектности). Такое государство

по своему характеру прямо противоположно государству правовому. Для него характерны, по мнению Д. В. Чернышкова [Чернышков, 2017]:

нелегитимная власть (в результате неконституционного государственного переворота 2014 года на Украине президент Янукович был лишен полномочий «в связи с его самоустранением от исполнения обязанностей»). Это прямое нарушение закона, в Конституции Украины нет такой формулировки. К сожалению, Запад не обратил на это никакого внимания, а с энтузиазмом воспринял политические перемены на Украине);

неправовое по духу, противоречащее идеалам справедливости законодательство (пример – Закон Украины от 25 апреля 2019 г. № 2704-VIII «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» (с изм. и доп. по состоянию на 21 апреля 2022 г.);

практика правоприменения посредством систематического насилия, методов террора и политического экстремизма. Ответственные должностные лица, независимые международные эксперты не раз уже давали характеристику киевскому режиму, который давно использует террористические методы. Это убийства общественных деятелей, журналистов, ученых, причем как на Украине, так и в России; террористические обстрелы городов Донбасса, которые длятся уже девять лет; акты атомного терроризма (ракетно-артиллерийские удары по Запорожской АЭС, подрывы линии высокого напряжения Курской АЭС). Совершен и ряд других терактов и попыток подобных преступлений в отношении объектов электроэнергетики и газотранспортной инфраструктуры нашей страны, включая попытку подрыва на одном из участков газотранспортной системы «Турецкий поток». Все это доказано объективными данными, в том числе и показаниями самих задержанных исполнителей этих терактов. Таким образом, киевский режим своими действиями фактически поставил себя на одну доску с международными террористическими формированиями, с самими одиозными группировками.

Дополним приведенный перечень признаков:

совершение преступлений против человечности, массовые нарушения международного гуманитарного права. В докладе комиссии Совета по правам человека ООН по расследованию на Украине установлено несколько случаев подобных преступлений;

практика геноцида. Согласно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.) «под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую», а п. «с» дополняет это определение: через «предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее».

По итогам геноцида в Руанде в ООН был сделан вывод о том, что умышленное перекрытие питьевой и оросительной воды ведет к гуманитарной катастрофе, и квалифицируется как проявление геноцида и экоцида, являясь тяжким преступлением против мира и человечества. Таким образом, действия киевской хунты по перекрытию воды в Северо-Крымском канале попадают под квалификацию геноцида по практике ООН.

Подобная политическая практика требует соответствующей правовой оценки, а само это государство может и должно быть признано делинквентом уже по отдельным признакам из числа приведенных выше. В рассматриваемом случае налицо вся совокупность перечисленных признаков.

Пути пресечения злоупотреблений государственной властью

В числе путей пресечения злоупотреблений государственной властью можно назвать *естественное возмущение собственного населения*, готового сместить власть, противопоставившую себя обществу, как мирным путем (демонстрациями, разнообразными протестными акциями, через механизмы гражданского неповиновения или реализуя свои избирательные права на выборах, лишая власть своего доверия), так и силовым путем (общенародным восстанием). Так могут быть использованы механизмы реализации обычно-правовой и конституционно-правовой ответственности.

При реализации международно-правовой ответственности подключаются иные механизмы: *международный остракизм, бойкот преступного режима, его изоляция*.

Однако все эти механизмы не всегда эффективны и возможны. Народ обманут и запуган. Целое поколение было воспитано в духе воинствующего национализма и русофобии. Политическая и экономическая заинтересованность влиятельных зарубежных спонсоров не только не позволяет рассчитывать на сколько-нибудь конструктивную роль в противодействии масштабным посягательствам на права и свободы граждан, но и, напротив, способствует этому.

Всего, по признанию заместителя госсекретаря В. Нуланд, с 1991 по 2013 г. власти США выделили на «развитие демократии» на Украине 5 млрд долл. Сегодня финансовая помощь Запада исчисляется уже сотнями миллиардов долларов.

Таким образом, ни на «прояснение» общественного сознания населения страны с преступным режимом, ни на понимание и адекватную реакцию мирового сообщества, в котором лишь незначительная группа стран является подлинно независимыми в определении своей внешней политики, – на все эти пути противодействия преступному режиму рассчитывать не приходится.

Остается еще способ борьбы с государством, вставшим на путь международного терроризма, геноцида и агрессии – *путем силового противодействия со стороны другого государства, чья безопасность оказалась под угрозой*.

Еще в декабре 2016 г. Дорогомиловский суд Москвы удовлетворил иск народного депутата Верховной рады Украины прошлых созывов Владимира Олейника, который требовал установить в суде юридический факт государственного переворота на Украине в феврале 2014 г. Суд признал, что этот факт государственного переворота на Украине является «общеизвестным и очевидным и не нуждается в дополнительном доказывании». Вместе с тем он остановился на юрисдикции российского суда и права В. Олейника на обращение. «Российский народ не может оставаться равнодушным к тому, что происходит на Украине», – заявила судья. Она отметила, что сейчас на Украине не гарантируются права человека, в том числе право на жизнь.

Судья также указала, что на территории государства действуют экстремистские организации, которые уже внесены в реестр запрещенных Верховным судом России. В связи с этим вопросы госпереворота на Украине выходят за пределы суверенитета государства и затрагивают интересы в том числе и России.

Правовые основания принуждения к миру

Для правового обоснования применения силы к преступному режиму фактов более чем достаточно: киевский режим с 2014 г. систематически осуществлял вооруженное насилие по отношению к населению юго-востока Украины: обстреливал гражданское население, не признавшее антиконституционный переворот, разрушал обеспечивающие его объекты социальной инфраструктуры. Жертвами преступлений, совершенных по прямому указанию руководства Украины личным составом

вом ее вооруженных сил и иных вооруженных формирований, стали 860 тыс. граждан Российской Федерации, проживавших на территории Луганской и Донецкой областей (в дальнейшем – частично признанных Донецкой и Луганской народных республик, обратившихся к Российской Федерации за помощью). Согласно определению ООН от 14 декабря 1974 г. (утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г. 3314 (XXIX) действия Украины могут квалифицироваться в международном праве как агрессия, даже если она не сопровождается вторжением.

Российское законодательство предусматривает применение военной силы за рубежом. Так, в соответствии с п. 2.1 ст. 10 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. (ред. от 14 июля 2022 г.), общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации формирования Вооруженных Сил Российской Федерации могут оперативно использоваться за пределами территории Российской Федерации для отражения или предотвращения вооруженного нападения на другое государство, обратившееся к Российской Федерации с соответствующей просьбой, а также для защиты граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации от вооруженного нападения на них.

Жертвами такой агрессии стало и население приграничных областей России (Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской, Республики Крым и Севастополя).

После 30 сентября, когда Донецкая и Луганская Народные Республики, а также Херсонская и Запорожская области по итогам проведенных на их территории референдумов вошли в состав Российской Федерации, правовым основанием для применения военной силы при отражении агрессии Украины, направленной против Российской Федерации, вооруженной защите целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации будет п. 2 ст. 10 Федерального закона «Об обороне».

Кроме того, жертвами киевского режима стали и военнослужащие ВС РФ, оказавшиеся в плену после начала специальной военной операции, в отношении которых грубо нарушались нормы третьей Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.

Согласно Закону РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» Вооруженные Силы РФ также могут применяться для пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации. Действия Украины можно квалифицировать именно как акты международного терроризма.

Приоритет национального права

В случае если перечисленные выше нормы российского права придут в противоречие с международным правом (тем более с его односторонней интерпретацией недобросовестными «правоведами» коллективного Запада), в соответствии со ст. 15 Конституции Российской Федерации приоритет отдается национальному праву.

Механизмы привлечения к ответственности в рамках экстерриториальной юрисдикции

Юридическая ответственность за многочисленные преступления, включая международный терроризм, геноцид, множественные нарушения международного гуманитарного права может быть уголовной, а также гражданской и административной.

В случае установления всеобъемлющей ответственности государства за преступления, совершенные всей системой государственных органов, речь должна идти об ответственности и государства, и относящихся к нему юридических лиц – органов законодательной, исполнительной, судебной власти, а также политических партий и общественных организаций, и физических лиц, причастных к совершенным преступлениям (геноциду, преступлениям против человечности, международному терроризму, экоциду).

Мы вправе поставить вопрос и об ответственности зарубежных спонсоров, кровителей преступного режима, фактически выступивших на его стороне и ставших непосредственной стороной конфликта.

К государству-делинквенту должны быть применены санкции в виде штрафов и материальных компенсаций потерпевшим государствам за вред, причиненный государством-нарушителем. Применительно к Украине этим, возможно, и придется ограничиться, так как исключение из международного сообщества, объявление торгового эмбарго, блокирование банковских счетов, наложение штрафных санкций и прочие реторсии и репрессалии вряд ли будут поддержаны большинством стран, оказавшихся в зависимости от Запада.

Почти наверняка наиболее одиозные руководители страны будут приняты за ружом, куда они уже успели вывести свои капиталы. Государство, которое может быть создано на месте несостоявшегося, преступного государства, будет иметь статус частично признанного в течение некоторого времени. За рубежом (в Лондоне или Варшаве), вполне вероятно, будет сформировано «правительство в изгнании». С его попустительства все зарубежные авуары несостоявшегося государства будут конфискованы (украдены), как это произошло с коллекцией крымских музеев «Золото скифов».

Физические (а в некоторых случаях и юридические) лица могут быть привлечены к уголовной ответственности практически по всем статьям главы 34 Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против мира и безопасности человечества»: ст. 353 «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны», ст. 354 «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны», ст. 354.1 «Реабилитация нацизма», ст. 355 «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения», ст. 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», ст. 357 «Геноцид», ст. 358 «Экоцид», ст. 359 «Наемничество», ст. 360 «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, либо угроза его совершения», ст. 361 «Акт международного терроризма».

Соответствующие статьи можно найти и в главах 24 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» и 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» была вновь введена ст. 281.3. Если ранее в составе преступления упоминалась «организованная группа», то теперь предусматривается ответственность за организацию диверсионного сообщества и участие в нем.

При этом под диверсионным сообществом понимается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в целях осуществления диверсионной деятельности либо для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений индивидуальной направленности, а также иных преступлений в целях пропаганды, оправ-

дания и поддержки диверсии. Это достаточно универсальное понятие, поскольку таким сообществом могут быть не только непосредственные исполнители из частных военных компаний или сил специальных операций, срывающих свою принадлежность к военной организации государства, но и группа лиц, представляющая высшее военно-политическое руководство государства-делинквента.

Таким образом, в отечественном законодательстве имеются все необходимые правовые основания для осуществления экстерриториальной юрисдикции – преследования и наказания виновных в совершении преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

Требуется дальнейшее совершенствование раздела XII Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации ввиду продолжающегося негативного процесса дальнейшей транснационализации организованной преступности, упорных попыток США, Великобритании и некоторых других стран использовать международный терроризм и экстремизм в своих целях. К ответственности должны быть привлечены не только исполнители, но и авторы преступных замыслов, покровители преступных режимов, снабжающие их оружием и обеспечивающие им политико-дипломатическое, финансовое и информационное прикрытие. *Plus peccat auctor quam actor* («Подстрекатель виновен более, чем исполнитель»).

Политико-правовая профилактика реваншизма в государстве, приходящем на смену государству-делинквенту

Как показывает история XX–XXI вв., поражение агрессора не гарантирует его умиротворения. Неслучайно в современном бытовом правосознании возник интерес к ст. 106–107 Устава ООН от 26 июня 1945 г. (с изм. от 16 сентября 2005 г.), в которых усматривают право России пресекать попытки возрождения нацизма в Германии, Венгрии, Румынии, Австрии, Болгарии, Финляндии, Хорватии, Словении и Чехии, которая в годы войны выступала в роли протектората Богемии и Моравии. Под действие ст. 106 и 107 подпадают также Латвия, Эстония, Литва с их рассуждениями о советской оккупации. Заключенные ими договоры о дружбе и сотрудничестве с Третьим рейхом перемещают эти страны в ряды гитлеровской коалиции.

Ту же позицию занимает и современная Украина, которая принимает в качестве своего предшественника военно-политические образования ОУН-УПА, созданные украинскими фашистами. Доказывает принадлежность всех этих постсоветских республик к гитлеровской коалиции и почитание ими в качестве героев национальных антисоветских партизан, воевавших за сохранение фашистских порядков после окончания Второй мировой войны. Отсюда следует возможность пересмотра территориальных приобретений стран, которые позиционируют себя сторонниками гитлеровской коалиции.

Однако в ст. 53 Устава ООН Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005 г. № 60/1 были исключены ссылки на «вражеские государства» или любые государства, которые в течение второй мировой войны являлись врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав.

Тем не менее для противодействия реабилитации нацизма, профилактики реваншизма у России, как было отмечено выше, достаточно собственных правовых оснований, предоставляемых отечественным законодательством в соответствии со ст. 15 Конституции Российской Федерации, отдающей приоритет национальному праву.

Основные мероприятия постконфликтного урегулирования

Вопрос посткризисного урегулирования многоаспектен. Внутри страны преступное руководство должно быть отстранено от государственной власти и местного самоуправления. Должен быть введен запрет на деятельность всех современных политических структур, вставших на путь воинствующего украинского национализма и отстаивающих исключительность украинской нации.

В переходный период приостанавливается действие конституции и ряда наиболее одиозных законов и подзаконных актов (прежде всего надо отменить все законы и институты, дискриминирующие граждан по принципу языка и национальности). Властные полномочия будут переданы органам военно-гражданской администрации.

Следует реформатировать все политико-правовое пространство страны, освобожденной от преступного режима. Для этого потребуются жесткая цензура, искореняющая воинствующий украинский национализм и русофобию. Предстоит устранить культурно-языковое неравенство народов, проживающих на территориях, не вошедших в состав Российской Федерации.

Для денацификации общественного сознания должна быть перестроена вся система образования, культуры, массовой информации, сформированы новые правоохранительные органы, реорганизована система судопроизводства и прокуратуры. Потребуется тщательная проверка и обновление кадрового состава этих организаций.

Лица, причастные к преступлениям прежнего режима, должны быть лишены рычагов экономического влияния, а их собственность обращена в доход вновь создаваемого государства.

После стабилизации внутривнутриполитического положения в стране могут быть организованы выборы новых органов власти, на которые могут быть приглашены международные наблюдатели.

На освобожденных территориях должно быть восстановлено пограничное каноническое (церковное) право, что нашло выражение в насилии над священниками и мирянами Украинской православной церкви Московского патриархата, неправомерном отчуждении принадлежащей ей собственности.

Наконец, должны быть изъяты из повседневного оборота националистическая символика, топонимика, культовые предметы и ритуалы, а также устойчивые речевые обороты, указывающие на принадлежность к экстремистским националистическим организациям.

Для восстановления исторической памяти следует провести ревизию все учебной, научной, просветительской и иной массовой литературы, искажающей историческую правду. Ввести цензуру средств массовой информации, либо как минимум маркировку контента, создаваемого лицами и организациями, получающими поддержку из-за рубежа или находящимися под иностранным влиянием, осуществляющими при этом определенную социально значимую деятельность.

Особое внимание придется уделить постановке военно-мемориальной работы на освобожденных территориях. Многочисленные воинские захоронения, героизирующие военнослужащих вооруженных формирований Украины, а также захоронение мирных граждан, погибших в период специальной военной операции, следует сконцентрировать в братских захоронениях, на территории которых родственники должны иметь возможность почтить память «жертвам преступного националистического режима 2014–202X гг.».

Внешний аспект посткризисного урегулирования предполагает отказ от всех не отвечающих интересам демилитаризации и денацификации международных обязательств, принятых на себя несостоявшимся государством. Его дипломатические отношения с зарубежными странами будут временно заморожены, а персонал дипломатических представительств отозван. В дальнейшем, по мере политической реабилитации государства, отношения будут возобновлены решением законно избранной государственной власти.

Контуры новой государственности можно будет определить лишь после завершения специальной военной операции, после стабилизации внутривнутриполитической обстановки, нормализации социально-экономической жизни населения, культурного возрождения народов Малороссии, Слобожанщины, Волыни, Подолья и Галиции. Жители части Новороссии свой выбор уже сделали. Такая возможность должна быть предоставлена и жителям оставшейся ее части – Харьковской, Днепропетровской, Николаевской и Одесской областей.

Библиографический список

- Баранчикова М. В. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – С. 235.
- Кант И. Метафизика нравов: в 2 ч. // Кант И. Сочинения: в 6 т. – Т. 4. – Ч. 2. – М., 1965. – С. 139.
- Кузьмин И. А. Реализация юридической ответственности за правонарушение // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 2 (89). – С. 16–23.
- Ларина Л. Ю. Государство как субъект уголовно-правовых отношений // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – С. 133.
- Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2004. – 487 с.
- Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты: моногр. – М.: РИОР; Инфра-М, 2013. – 139 с.
- Липинский Д. А., Хачатуров Р. Л., Шишкин А. Г. Меры юридической ответственности: моногр. – М.: РИОР; Инфра-М, 2014. – 231 с.
- Никифоров А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – С. 202.
- Патюлин Г. С. Государство как субъект юридической ответственности в условиях реального конституционализма // Образование и право. – 2021. – № 4. – С. 90.
- Самощенко И. С., Фарукишин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит., 1971. – 240 с.
- Тумурова А. Т. Понятие обычного права (функциональный подход) // Lex Russica. – 2017. – № 11 (132). – С.20.
- Чернышков Д. В. К вопросу о преступном государстве // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – № 3. – С. 65.

References

- Baranchikova, M. V. (2014) K voprosu ob ugovornoj otvetstvennosti yuridicheskix licz [To the issue of criminal liability of legal entities]. *Academic Notes of the Oryol State University*. (58). 235 p.
- Chernyshkov, D. V. (2017) K voprosu o prestupnom gosudarstve [To the question of the criminal state]. *Vestnik of Perm University. Political science*. (3). 65 p.
- Kant, E. (1965) *Metafizika npravov* [Metaphysics of morals], in 2 parts, (4:2), Moscow. 139 p.

Kuzmin, I. A. (2020) Realizaciya yuridicheskoy otvetstvennosti za pravonarushenie [Realisation of legal responsibility for an offence]. *Siberian legal bulletin*. 2 (89). 16–23.

Larina, L. Y. (2017) Gosudarstvo kak sub`ekt ugovovno-pravovy`x otoshenij [The state as a subject of criminal-legal relations]. *Juridicheskaya nauka*. (3). 133 p.

Lipinskij, D. A. & Musatkina, A. A. (2013) *Yuridicheskaya otvetstvennost`, sankcii i mery` zashhity`* [Legal responsibility, sanctions and protective measures], Moscow, RIOR; Infra-M. 139 p.

Lipinskij, D. A. (2004) Obshhaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti [General theory of legal responsibility]: doct. jur. sc. thesis, Saratov. 487 p.

Lipinsky, D. A. & Khachaturov, R. L. & Shishkin, A. G. (2014) *Mery` yuridicheskoy otvetstvennosti* [Measures of legal responsibility]. Moscow, RIOR; Infra-M. 231 p.

Nikiforov, A. S. (2002) *Yuridicheskoe liczo kak sub`ekt prestupleniya i ugovovnoj otvetstvennosti* [Legal entity as a subject of crime and criminal liability]. Moscow, JSC «Centre YurInfor». 202 p.

Patyulin, G. S. (2021) Gosudarstvo kak sub`ekt yuridicheskoy otvetstvennosti v usloviyax real`nogo konstitucionalizma [The state as a subject of legal responsibility in the conditions of real constitutionalism]. *Education and Law*. (4). 90 p.

Samoshhenko, I. S. & Farukshin, M. H. (1971) *Otvetstvennost` po sovetскому zakonodatel`stvu* [Responsibility under Soviet legislation], Moscow, Yurid. lit. 240 p.

Tumurova, A. T. (2017) Ponyatie oby`chnogo prava (funkcional`ny`j podhod) [The concept of customary law (functional approach)]. *Lex Russica*, 11 (132). 20 p.

Информация об авторе

Сергей Александрович Модестов – доктор философских наук, доктор политических наук, профессор, вице-президент Академии военных наук (e-mail: samod54@mail.ru).

Information about the author

Sergei A. Modestov – Doctor of Philosophy, Doctor of Political Sciences, Professor, Vice-President of the Academy of Military Sciences (e-mail: samod54@mail.ru).

© С. А. Модестов, 2024

Дата поступления в редакцию / Received: 13.05.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 29.06.2024